

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КАПИЦА

Учитель

Меня вызвал главный редактор Барнаульской студии телевидения и спросил:

– Фамилия Ка́пица тебе что-нибудь говорит?

Главный редактор всех на студии называл на «ты», потому что был секретарём парторганизации, так сказать, нашим идейным вождём. Все тележурналисты, в том числе и я, уважали его за прямоту суждений.

– Ка́пица?! Есть такой писатель в Киеве, – сказал я.

– Надо же, никто ничего не знает?! Нет, и ещё раз нет – Ка́пица учёный, декан географического факультета МГУ. Сделал какие-то крупные научные открытия в Антарктиде.

– Знаю физика Петра Леонидовича Капи́цу (ударение в фамилии на второй слог). Один из самых талантливых учеников физика-ядерщика Эрнеста Резерфорда. Когда Капица вернулся в Россию (молодая советская власть посылала его на учёбу в Англию), Резерфорд в качестве царского подарка прислал из Англии его уникальную лабораторию. Капица собрал вокруг себя молодых учёных (атомщиков) и занялся сверхтекучестью жидкого гелия. А когда попал в опалу к Берии, то ученики в карманах перенесли к нему на дачу всю лабораторию, чтобы он не прерывал своих уникальных опытов, – торопясь тараторил я, мне не хотелось быть одним из тех, кто ничего не знает.

– Предполагаю, – прервал меня главный редактор, – этот молодой учёный-географ – его сын. Мне намекнули (главред красноречиво указал глазами на потолок, что означало – в крайкоме КПСС), он – сын засекреченного физика.

Главный редактор помолчал, а потом многозначительно изрёк:

– В опалу?! Поэтому-то никто из нормальных людей о нём ничего не слышал. В общем, так, встретишься с учёным, возьмёшь у него текст выступления для ЛИТО (цензора. – **Прим. автора**), отредактируешь и вместе с Капицей – в промышленную редакцию. Сейчас он – в гостинице «Центральной». Мне подсказали (главный опять посмотрел на потолок), что ему, как декану географического факультета, нужны студенты с периферии. Задание партии – прямо сейчас езжай в гостиницу, а я позвоню в крайком. Мы предоставим эфир сегодня ровно в 20:00.

Летел на встречу с Андреем Петровичем действительно как на крыльях. И тому были причины. Всюду в среде интеллигенции тогда вёлся спор: кто важнее – лирики или физики? И хотя я считал себя литератором, под впечатлением недавно прочитанной книги Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц» об учёных-ядерщиках отдавал пальму первенства физикам. Именно из книги Роберта Юнга узнал о талантливейшем ученике Резерфорда Петре Леонидовиче Капице, отце Андрея Петровича. Волновался. Мысли прыгали, наскокивали одна на другую и всякий раз возвращали к неумной радости – еду на встречу с необыкновенным человеком, наверняка большим учёным, воспитывавшимся в среде великих людей, – какая хорошая у меня работа!

Мне открыл дверь сам Андрей Петрович. Трудно было ошибиться. Рослый (под метр девяносто), крепкий, плотно сбитый. Лицо слегка удлинённое, лоб высокий, волосы чёрные, глаза карие, все черты лица крупные и соразмерные, таящие суровость и благородство. Воистину природа не поскупилась и как гениальный мастер вылепила яркий запоминающийся образ путешественника, который одним только своим присутствием сразу наполняет пространство целесообразностью и могуществом. Отчётливо помню мысль, явившуюся при первой встрече, – у этого человека богатырского телосложения и поклоняющегося науке должно быть много тайных завистников и даже недоброжелателей.

Пропуская меня в кабинет, спросил:

– Ваша цель приезда?

– Я должен взять у вас текст выступления. Сегодня на нашей телестудии в 20:00 ваш эфир – в лучшее эфирное время.

– Но мне для моего выступления текст не нужен. Я буду комментировать пятнадцатиминутный любительский фильм о работе нашей экспедиции в Антарктике. И ещё – сообщу адрес и возможности поступления абитуриентов к нам в МГУ на географический факультет.

– Текст нужен не нам, текст нужен для ЛИТО, – сказал я и почувствовал всю унижительность и нелепость ситуации, какое-то людоедское недоверие партбюрократии к своим советским гражданам, в том числе и патриотам.

В самом деле, какая может быть цензура для путешественника, учёного, исследующего неизведанный континент и уже этим славящего в мировом масштабе нашу Советскую Науку?! Мне было стыдно.

Андрей Петрович, наверное, почувствовал моё смущение, спросил:

– Вы давно писали диктант?

Вот он – едва заметный намёк на связь времён. Сегодняшнее повсеместное увлечение диктантом и его вопрос – словно оклик из нашего будущего? А его смелое предположение, что под станцией «Восток», под ледниковым панцирем толщиной в четыре километра находится одноимённое материковое озеро? Комментируя свой любительский фильм, он уже тогда высказал эту смелую мысль. Пусть современные следопыты поищут. Наверняка найдутся люди, видевшие фильм и слышавшие комментарий. Но я отвлёкся.

Андрей Петрович пригласил меня к письменному столу и, расхаживая по кабинету, стал диктовать текст для ЛИТО. Понимая всю глупость нашего диктанта, мы отвлекались, говорили на отвлечённые темы.

Наша встреча происходила в конце 1960-х годов, и тогда в подобных разговорах старались избегать упоминаний имени А.И. Солженицына, доходили слухи, что его исключили или исключают из Рязанского отделения СП РСФСР. Тем не менее на вопрос Андрея Петровича, какое произведение из современных писателей более всего меня потрясло, не задумываясь, ответил: повесть «Один день Ивана Денисовича». Думаю, в данной ситуации совместный текст для ЛИТО сблизил наши воззрения – мы свободно говорили на

весьма опасные политические темы. Он сказал, что родился в Англии. А я с удовольствием цитировал подробности жизни учёных в Европе и Америке, которые почерпнул из книги Роберта Юнга. Потом на память прочёл свою «Сказку» – стихотворение, более похожее на поэму. Он обрадовался, попросил ещё раз прочесть начало, в котором звучало четверостишие: «И крокодиловой кожей / Виснет с дубов кора – / Помнят, наверное, тоже / Эти дубы царя...», и ещё строфы, касающиеся царя-молоха Дальнего Востока: «От бухты Златого Рога / И до самой Камчатки / Носились его пиро́ги, / Лёгкие, словно чайки...» Я понял, что «Сказка» зацепила его. Он спросил, есть ли у меня книжка стихов. Узнав, что издательство вернуло рукопись, искренне огорчился, и мы попрощались.

Мне предстояло отредактировать текст, утвердить его в ЛИТО. Съездить в детсад, устроить трёхлетнего сына на продлёнку (жена в то время находилась в Томске в гостях у родной сестры).

В общем, всё устроилось как нельзя лучше, и часовая передача прошла великолепно. Перед эфиром Андрей Петрович дал мне вёрстку

журнала «Наука и жизнь» со своим материалом (впечатлениями о путешествии по Африке), снабжённую фотографиями, которые шли в дополнение к тексту, и попросил высказать своё мнение.

Я не успел прочесть материал. Предложил Андрею Петровичу после эфира проехать на нашем дежурном автобусе прямо ко мне:

– Поужинаем, я прочту материал, и мы не торопясь обменяемся мнениями, тем более на этот случай припасена бутылка «Столичной». Кстати, потом с удовольствием провожу вас до гостиницы, благо она рядом.

Мы весело переглянулись и поехали ко мне.

Сняв кожаный реглан, утеплённый меховым подстёгом, Андрей Петрович, испросив фартук, очень умело принялся чистить картошку, а я взялся читать его материал. Он сам отыскал на кухне самую большую сковородку, банки с мясной тушёнкой, и к моменту, когда я закончил чтение, по всей квартире уже разносились вкусные запахи жареной картошки.

Мне понравился его материал и фотографии к нему, особенно рыбная ловля в океане. Голова окуня, словно голова зверя на плече Андрея Петровича, а хвост – тянется по песку.

В заметках об Африке приятно удивила образность о рабочем из Манчестера, который, обедая, всякий раз так быстро орудовал ложкой, словно устанавливал своеобразный конвейер поглощения пищи.

В ответ он весело рассмеялся: сравнение с конвейером понравилось его жене, Евгении Александровне, и от души развеселило редакцию журнала.

Неожиданно выяснилось, что после окончания университета Андрей Петрович какое-то время находился в Англии и даже успел поработать в гимназии – преподавал географию.

– Наверное, зарплаты у педагогов, как и у нас, не очень?! – сказал я. – Во всяком случае, доктор наук получает намного больше.

– Нет. Там всё по-другому. Например, квалифицированный рабочий «Боинга» в Америке зарабатывает значительно больше любого учёного.

Моё искреннее удивление побудило к откровенности.

– Весь смысл в том, – он как бы прочитал мои мысли, – что учёный – это такой человек, которому позволено своё личное любопытство удовлетворять за счёт государства. Имейте в виду, такая роскошь больше никому и нигде не позволяется – только учёному!

Андрей Петрович произнёс эту сентенцию с такой внутренней радостью, что я почувствовал – он всем сердцем гордится своей принадлежностью к касте учёных.

– И во всём мире все учёные такие?

– Да, во всём мире все учёные, именно, такие, – твёрдо сказал Андрей Петрович. – Научные идеи не имеют национальности, они интернациональны. Они проходят через любые кордоны без всяких виз.

Помнится, я опять невольно подумал о завистниках и недоброжелателях.

– Но это же – космополитизм чистой воды!

– Называйте как хотите, но истина здесь. Настоящий учёный – это золотой материал, принадлежащий всему человечеству.

Он на какое-то мгновение окинул меня отстранённым взглядом и, словно отвечая на какие-то свои мысли, сказал:

– Учёный, открывший новое, неизведанное, всегда будет стоять перед дилеммой: что предпочесть – национальные интересы или интересы общечеловеческие? На шкале ценностей интересы общечеловеческие, или, как вы воспринимаете, интересы космополитические, с какой стороны ни подходи к ним, предпочтительнее.

– Но там, где космополитизм, – там патриотизм невозможен.

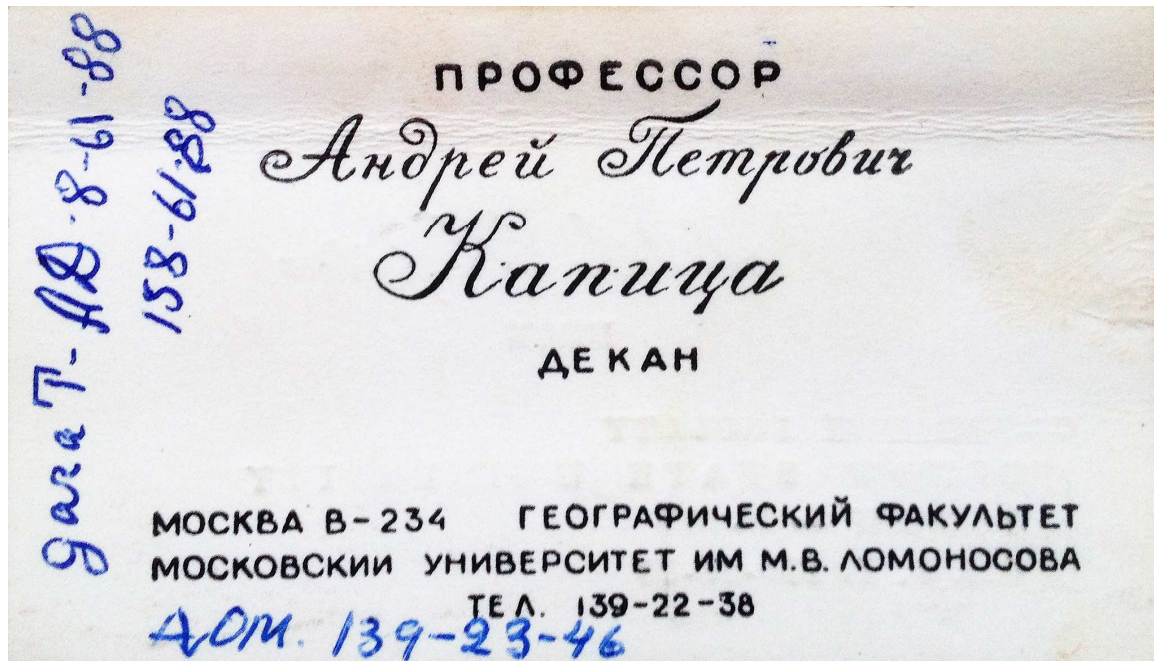
Андрей Петрович не согласился со мной и в пример поставил своего отца.

– Вся его жизнь – это жизнь космополита и русского патриота своей Родины.

Андрей Петрович достал из нагрудного карманчика пиджака,

висящего на кухонном стуле, визитку с адресом и номерами телефонов и, подав мне, сказал:

– Будете в Москве, позвоните, мы с Евгенией Александровной организуем для вас встречу с моим отцом, наши загородные дачи рядом.

Визитку тех времён прилагаю как печать к вышесказанному, тем более что незабываемая встреча с отцом Андрея Петровича Петром Леонидовичем Капицей, лауреатом Нобелевской премии и дважды Героем Социалистического Труда СССР, состоялась, но об этом позже.

В дверь квартиры вначале громко и властно постучали, а потом несколько раз нетерпеливо позвонили. Андрей Петрович улыбнулся:

– Будете меня знакомить, скажите, что я – учитель географии из Панкрушихи.

В дверях нарисовались Вася Нечунаев, алтайский детский поэт, студент Литинститута, проходящий практику в книжном издательстве, и с ним заведующий отделом художественной литературы Александр Сергеевич Тресков, в прошлом главный редактор альманаха «Алтай». Пожилой, с желтизной на лице, небольшого роста, припадающий на ногу, словно Байрон, он чувствовал себя в компании таких, как мы с Васей, хозяином положения.

Вася Нечунаев приподнял сетку, из которой горловинами во все

стороны, словно ёжик, торчали бутылки с распространённым тогда вином – «Солнцедар».

– Вот! Восемь бутылок прекрасного заграничного чернила, которым в Африке уже перетравили всех негров, а теперь взялись за нас. – Вася многозначительно ухмыльнулся. – Но русские не сдаются, мы и не такое побеждали.

Прибывшие явно были слегка навеселе.

– У меня гость, – предупредил я и окликнул Андрея Петровича.

Он вышел в фартуке и сразу заполнил всё пространство в прихожей.

– Знакомьтесь – Андрей Петрович, учитель географии из Панкрушихи.

Первым подал руку Александр Сергеевич Тресков, я представил его:

– Старший редактор художественной литературы Алтайского книжного издательства. Все писатели Алтая, в том числе и мы с Васей, без него – никуда. Александр Сергеевич – наше всё!

Красноречивый намёк на Пушкина моментально разрядил обстановку. Александр Сергеевич Тресков, припадая на ногу, как бы отскочил от Андрея Петровича.

– Это что? У нас в Панкрушихе ещё рождаются такие богатыри?! Богатыри земли Русской?!

Вася, усмехаясь своим мыслям, подал мне увесистого «ежа».

– Я утверждаю – русские победят любой «Солнцедар».

Мы раздвинули стол в гостиной и с балкона, служащего естественным холодильником, быстро по-солдатски оформили стол. Андрей Петрович водрузил в центре стола огромную сковородку с жареной картошкой. Я расставил крупные гранёные стаканы. Александр Сергеевич взялся разливать, как мы тогда говорили, «питиё». Начал со «Столичной».

– Первому налью нашему гостю, географу, – объявил он. – Относительно Панкрушихи есть сомнения, а вот богатырю земли Русской – пожалуйста!

Он налил Андрею Петровичу полный стакан, что называется, с

верхом. Мы с Васей, понимая, что мы здесь не главные, отстранённо и сосредоточенно молчали. Потом он налил более чем полстакана себе и остаток нам с Васей. Пустую бутылку осторожно поставил под стол.

– Тост произнесёте тоже вы? – спросил Андрей Петрович.

– Да, тост произнесу тоже я, – сказал Александр Сергеевич.

– Нам вставать? – опять спросил Андрей Петрович.

Я взглянул на него, чувствуя, что он шутит, но он смотрел на Александра Сергеевича прямо и строго, словно сейчас это было самое главное, что нас объединило за столом.

– Нет, вставать не надо, тем более что тост – за знакомство! И мой совет Слипенчуку – Виктор, брось свои всякие «Сказки».

Он кивнул на эстампы линогравюр однополчанина Пети Кириллова по моей поэме «Чингис-Хан», развешанные по стенам гостиной, которые я привёз из армии и которые мне очень нравились.

– Пиши марши – так ты быстрее издашь свою книгу.

Мы дружно выпили и закусили. Никогда не забуду чудесного вкуса той жареной картошки с тушёным мясом, той чудесной капусты ломтиками, заквашенной моей женой Галой в металлическом ушате, стоявшем у нас на балконе. Ни на кого не глядя, я достал из-под стола пустую бутылку и отнёс на кухню.

Когда вернулся, разговор шёл о маршах. Александр Сергеевич требовал, чтобы все, кто может писать стихи, писали бравурные марши. Они нужны нашей стране, нашему советскому народу. А похоронные – пусть учитель из Панкрушихи забирает себе. Лично он, как старший редактор художественной литературы, никогда не пропустит к изданию никаких «Сказок». Вася молчком, или, как мы говорили, «тихим сапом», наполнял стаканы «Солнцедаром». Стакан возле Андрея Петровича был перевернут кверху дном. Вася, увидев меня, вручил две опорожнённые бутылки. На моё удивление ответил наскоком, мол, ты ушёл и пропал. Я с бутылками опять удалился на кухню и опять решил покурить.

Второе моё пришествие никто не заметил. Александр Сергеевич рассказывал, какого огромного окуня он давеча поймал (ссылался, что барнаульский писатель Виктор Попов может подтвердить его удачу).

Андрей Петрович, усмехнувшись, сказал, что и ему однажды посчастливилось взять окуня больше двух метров – пришлось повозиться с ним.

Александр Сергеевич неожиданно рассвирепел, возвысив голос, перешёл на «ты»:

– Слушай, учитель, если ты будешь так со мною разговаривать, то я не посмотрю... и выброшу тебя в форточку!

Я взял с подоконника фотографию Андрея Петровича с окунем и подал Александру Сергеевичу. Он, взглянув, откинулся на спинку стула и отрезвел. Рассматривая фото, сказал, что это морской окунь.

– А я вам и не говорил, что поймал речного окуня.

Возникла напряжённая и трезвая, как стёклышко, пауза.

– Вы тут помыкаете писателями. Хотите, чтобы они у вас были на побегушках, а они – творцы, творяне нового времени. Им помогать надо, а вы – не пропущу, не пущать! Виктор мне читал «Сказку» – хорошее, глубокое по смыслу произведение, заставляющее задуматься.

Мы с Васей сидели понуро, как провинившиеся. Нас ещё никто и никогда так напрямую не защищал перед издательством.

Андрей Петрович встал из-за стола, и я проводил его до гостиницы. Мы обнялись, и он сказал, чтобы я обязательно позвонил ему, когда буду в Москве. Они с женой Евгенией Александровной помогут мне встретиться с отцом, Петром Леонидовичем, – у них дачи рядом.

Живительная сила

Это было время, когда мы с Галой едва сводили концы с концами. Мне поставили в вину съёмку короткометражного фильма «Талисман». Директор Барнаульской телестудии угрожал изгнанием. «Без разрешения –

кинофильм?! А что если бы Слипенчук снял фильм о баптистах и передал Америке?!» Моё положение было шатким. Я подумывал бросить всё и уйти в моря. *Лирики* безоговорочно отдали пальму первенства *физикам*.

16 июля 1970 года я ждал голубую «Волгу», как условились по телефону, возле Киевского вокзала – у пригородных касс. «Волги» не было. И вдруг над массой народа, кипящего, клопочущего, появилась прекрасно вылепленная голова. Она возвышалась над всеми, и, видит бог, в тот момент я ощутил исходящую от неё такую живительную силу, что мне стало страшно – кто я, что я и зачем?!

Из записей тех лет.

Мы, приветствуя, пожали руки, и Андрей Петрович повёл меня к машине. Оказывается, они с женой ждали меня у других касс. Радушно улыбаясь, Евгения Александровна почти по-мужски сжала мою руку, и знакомство состоялось легко, просто, без всякой натянутости. Она вела машину, а я, слушая Андрея Петровича, рассказывающего о достопримечательностях Москвы, теперь находился во власти новых опасений.

Андрей Петрович Капица – сын знаменитого учёного, доктор, профессор, проведший несколько лет в Африке и Антарктике. Его жена – явная аристократка, водит машину. (Надо иметь в виду, что машина «Волга» в те времена распределялась сверху, по разнарядке министерств.) А кто я?! По-сути, колхозник, интеллигент в первом поколении, пытающийся стать писателем. О таких людях, как Капицы, мне доводилось читать только в романтических книгах. Я не знаю толком, в какой руке правильно держать нож и вилку. (В детстве моя старшая сестра Рая отнимала у меня ложку за то, что держал её левой рукой.)

Мы приехали на дачу на Николиной Горе. Евгения Александровна заторопилось к строению среди высоких сосен, а мы с Андреем Петровичем подъехали к железной бочке и под завязку заправили машину.

– У вас тут Москва-река и всюду лес – райский уголок!

– Да, здесь замечательно, – подтвердил Андрей Петрович и предложил прогуляться. – Посмотрим две строящиеся дачи. Любопытно о них ваше мнение.

Мы пошли от ограды вправо по течению реки и вскоре увидели среди леса богатое строение, облицованное декоративным красным кирпичом, похожее на Дворец культуры. Возведение изгороди, тоже кирпичной, только-только начиналось – ворот ещё не было. Кучи песка и мраморной крошки, за которыми виднелись стоящие в линейку колёсные тракторы-бульдозеры, экскаваторы-погрузчики и всякая другая строительная техника какого-то московского СУ.

Я вошёл во двор и, чтобы уже окончательно составить мнение о строящемся объекте, залез на высокий цоколь и заглянул в окно. Пространство огромного зала украшала узорная мозаика паркета. На стенах между окнами красовались золочёные бра, каждое с двумя светильниками. Зал выходил на широкую лестницу с металлическими держателями ковровой дорожки.

– Это, конечно, никакая не дача, – сказал я, подходя к Андрею Петровичу. – Самый настоящий Дворец культуры.

– Нет, это дача.

– Ничего себе, живут же люди! – восхитился я, потому что не поверил, что это дача.

– Я вижу, ты в восторге, – усмехнулся Андрей Петрович. – Что ж, пойдём посмотрим ещё одну дачу.

Мы спустились к реке и пошли вверх по тропинке через кустарник и смешанный лес. Шли недолго, и всё же как-то неожиданно лес закончился, мы оказались на сверхбольшой, в несколько гектаров поляне, вспаханной и прибитой строительными катками. По ней вполне можно было идти дальше, но мы невольно остановились. В центре поляны, точнее, поля, окружённого лесом, стоял высокий отливающий золотом новый деревянный дом, напоминающий деревенскую избу. Огромный, без всяких украшений, он сиял

благородством материала, гармонируя с пространством соснового леса, как бы вдруг замершего в созерцании этого сияния.

– Ух ты! Прямо изба-читальня, – сказал я. – Правда, меня таким строением не удивишь, разве что огромностью, а так – я сельский житель.

Андрей Петрович посмотрел на меня строго и прямо. Я запомнил этот взгляд, он так смотрел на Трескова, старшего редактора Алтайского издательства, когда был не согласен с ним. И всё же (может быть, сыграла наша разница в возрасте – десять лет) решил объяснить, почему эта дача лучше.

Нет-нет, он не стал объяснять целесообразность экологического подхода к окружающей среде. Хотя сейчас, когда его нет среди нас, но есть кафедра рационального природопользования, основанная им на географическом факультете МГУ в 1987 году, вполне понятна глубина его интереса к обычному факту строительства, как сейчас бы сказали, престижных загородных дач. Впрочем, я бы, наверное, не понял и не принял его тогдашних размышлений. Всюду в нашей прессе советские люди изображались первопроходцами, покорителями природы. Покорение отождествлялось с героизмом.

– Понимаешь, Виктор, кроме красоты городской, урбанистической, есть иная красота – природная, неброская, но от этого не менее привлекательная.

– Понимаю, – сказал я.

И это было неправдой, потому что я был в восторге от поэзии Андрея Вознесенского. Меня увлекала форма, новизна, а на содержании мой взгляд почти не останавливался. «Перроны, пилоны, как сахар пилёный. / Сверкнул оперённо дома из перлона...»

– Представляешь, по весне приехали пять вятских мужичков с топориками и за полтора месяца без единого гвоздика – одними топориками сотворили это «обыкновенное чудо!».

Когда возвращались и я вновь высказал сомнение, что строящиеся

дачи – действительно дачи, Андрей Петрович сказал:

– Не сомневайся.

Много позже случайно узнал, что первая дача, похожая на Дворец культуры, принадлежит дочери Председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина Людмиле. А сработанная вятскими мужичками «изба-читальня» – дочери греческого миллиардера Онассиса Кристине.

– Ничего себе! – воскликнул я (наконец поверив, что строящиеся объекты – дачи) и как бы налетел на внезапную мысль – не выказывай своего плебейства, воспринимай всё вокруг только как информацию.

В ответ Андрей Петрович весело усмехнулся и спросил, читал ли я роман Джека Лондона «Мартин Иден».

– Да, читал, – нехотя ответил я, понимая, что он расценил эмоциональное восклицание не в мою пользу. Возможно, намекает на мою неотёсанность, родственную неотёсанности моряка Мартина Идена.

Внутренне я рассердился на себя: буду таким, какой есть, – мне ни от кого ничего не надо. Он обещал меня познакомить со своим отцом – я, как писатель, здесь.

Между тем Андрей Петрович возобновил разговор о дачах:

– Дело не в том, что они удивляют своей огромностью. Важен подход к строительству на конкретной местности.

Я ничего не ответил, и он перевёл разговор. Спросил:

– Как поживает старший редактор Алтайского книжного издательства художественной литературы?

Вопрос меня отвлек и развеселил. Вспомнил, как поутру, когда я вошёл в комнату сына, на его кровати спал Александр Сергеевич Тресков. Спал в пиджаке и в ботинках, а Вася Нечунаев, согласно его положению студента-практиканта, под кроватью, но без обуви – выглядывали его ноги в рваных носках.

Александр Сергеевич проснулся испуганным. Ему приснился сон, в котором директор издательства, стоя у зеркала, наглухо застёгивал

металлические пуговицы своего гражданского мундира. Александр Сергеевич отчётливо рассмотрел – пуговицы прокурорские.

Вася побежал в магазин «под шпилем» за «питиём», а старший редактор стал допытываться, как он вёл себя вчера и кто такой учитель-богатырь. На моё утверждение «всё было хорошо» он сказал, что многое заспал, но кое-что помнит. И просит меня по-мужски рассказать всё начистоту. Я опять стал утверждать – всё было хорошо, но он не поверил.

– Был спор о рыбной ловле. Учитель из Панкрушихи, конечно, не из Панкрушихи – кто он?

– Андрей Петрович из Москвы, путешественник, доктор, учёный, сын знаменитого физика Петра Леонидовича Капицы.

– Великого Капицы?! И что я ему сказал, споря с ним?

– Вы сказали, что выбросите его в форточку, и он ушёл.

– Выходит, я?!.

Александр Сергеевич посмотрел на меня с такой виновностью и мукой, что у меня как бы оторвался кусочек сердца и медленно опустился в живот.

– Из этого абсолютно ничего не выходит. Был двенадцатый час ночи, и он загодя предупредил, что к двенадцати ему надо быть в гостинице. Я его проводил – всё нормально.

– Виктор, – сказал Александр Сергеевич, взяв себя в руки. – Я вчера пришёл к тебе, потому что прочёл твою повестушку «Смеющийся пупсик», которую ты подал в альманах, и она мне понравилась. Если добавишь к ней свои короткие рассказы и зарисовки, я возьмусь быть твоим редактором и помогу издать первую книжку.

– Но я – поэт!

– Писатель Василий Иванович Белов тоже поступал в Литинститут как поэт – спроси у Нечунаева. А теперь пишет прекрасную прозу – «Привычное дело».

Александр Сергеевич улыбнулся, словно выпустил на волю золотую

рыбку, и тут же построжел:

– Учителю из Москвы скажи, что я восхищаюсь его отцом – Великий Учёный – Человек! И ещё скажи, что тебе, Слипенчуку, я пообещал издать твою первую книжку.

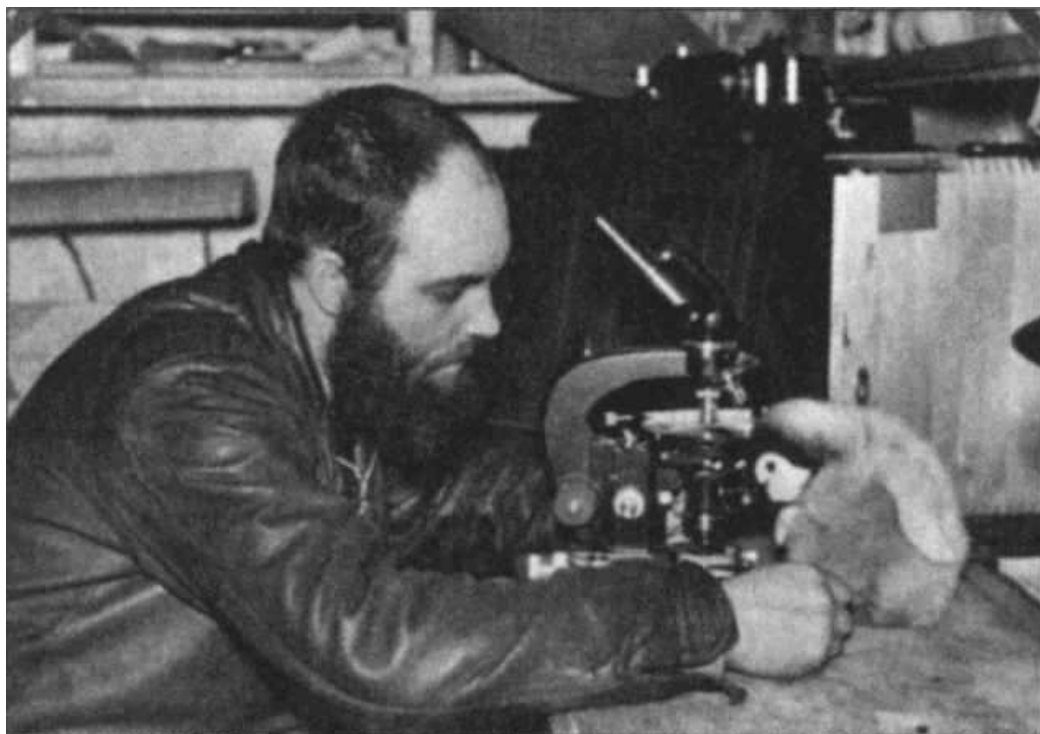
– Так и сказать?

– Да, так и скажи, – решительно подтвердил Александр Сергеевич.

Андрей Петрович выслушал мой рассказ с интересом, у нас обоих поднялось настроение. Он заметил:

– Имя моего отца идёт впереди, расчищает дорогу, помогает – вот и тебе помогло. Но бывает и по-другому.

Как бывает «по-другому», Андрей Петрович не стал объяснять. Но несколько лет спустя, когда он уже руководил Дальневосточным отделением АН СССР (ныне РАН), мне довелось с горечью узнать, что его «прокатили» – не избрали в академики, некоторые из которых, не стесняясь, утверждали, что вся его слава учёного – слава отца.

*Андрей Капица в Первой Антарктической экспедиции,
1955–1956 гг*

Сегодня мы знаем, что последнее географическое открытие XX века –

открытие древнего озера Восток в Антарктиде во многом сделано им. И во многом благодаря его сейсмическим исследованиям (1959, 1964 гг.) наши учёные 5 февраля 2012 года вскрыли четырёхкилометровый ледниковый панцирь, накрывающий озеро Восток. Полученный при бурении ледяной керн заслуженно сравнивают с глубинным проникновением в космос, позволяющим исследовать погоду Земли за миллионы лет.

Учёный Андрей Петрович Капица не нуждается ни в чьей защите. Но теперь, когда прослойка интеллигенции практически исчезла и слово «интеллигент» заменяется словом «интеллектуал», пришло время изменить угол зрения на великие династии: учёных, политиков, спортсменов, артистов и так далее и так далее. Они – корневая система государства. Его живительная сила, величие которой надо ставить не в минус, а всегда в плюс их достойным продолжателям, каким был и остаётся Андрей Петрович. Именно отсюда в первую очередь наше общество будет подпитываться высокообразованными людьми.

Отец

Дача у Андрея Петровича по тем временам, да и нынешним, была замечательной. Конечно, она уступала по величине тем двум, которые мы только что посмотрели, зато, несомненно, превосходила их по величию своей принадлежности. К тому же Андрей Петрович построил её сам. Высокая, просторная; отовсюду можно было пройти в центральный круговой зал, в котором не было потолка – лишь четыре скрещивающихся бруса – далеко вверху обозначалась крыша. Стараясь обходиться без восклицаний, в рифму заметил:

– Крыша настолько высоко и далеко, / Что можно устанавливать маятник Фуко́.

Андрей Петрович, усмехнувшись, возразил:

– Для повторения опыта Фуко нужны высота 67 метров и гиря в 28 килограммов. Кстати, все, кто литераторы по складу своего ума, предлагают

мне установить маятник Фуко.

Он весело заявил, что вскоре приступит к опытам, будет приглашать в зал молодых литераторов и по их реакции на потолок определять – они настоящие или, не имея на то никаких данных, только мнят себя таковыми.

В ответ я засмеялся, потому что воспринял его шутку как комплимент. А когда он, всё ещё находясь в весёлом расположении духа, пригласил меня в комнату, на торцовой стене которой красовались изречения-автографы знаменитых поэтов, и сказал: «Виктор, теперь ты просто обязан оставить здесь свой экспромт», – я впервые за время встречи почувствовал не только уверенность в себе, но и свою литературную значимость.

Автографов было много, но и пустой площади хватало. В память врезались имена: Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский...

– Пиши что хочешь, – подбодрил Андрей Петрович.

И хотя по работе на Барнаульской телестудии знал, что лучший экспромт – это хорошо подготовленный экспромт, хотел «высечь» на стене что-то новое, вечное. Но в уме крутился экспромт поэта Ивана Фролова, ставший на Алтае народным: «От Кулунды до Кош-Агача / Одна задача – хлебосдача!» Его мобилизирующий девиз крутился в уме – не давал сосредоточиться.

Позвала Евгения Александровна, сообщила, что ужин готов. Нас ждут сухое вино, водка, виски, корейский салат, отваренная спаржа с телятиной, а на десерт она что-нибудь придумает. Я обрадовался, пообещал Андрею Петровичу написать экспромт в другой раз.

В ванной, над краном, поверх зеркала висела остроумная надпись, очевидно придуманная самим хозяином дачи: «*Надо очень чисто мыться, / Даже если ты Капица!*».

Мы сидели за столом, на улице неожиданно быстро потемнело. Евгения Александровна включила свет на всей территории дачи. Андрей Петрович пошёл к телефону, а где-то в стороне прокричала сова. Крик совы,

тишина – и внезапный оглушающий раскат грома. Андрей Петрович крикнул, что сработали разрядники громоотводов. Потом опять тишина и скрип неторопливых шагов на песке. Я оглянулся на открытую входную дверь и увидел в глубине пожилого человека, идущего к нам. Евгения Александровна тоже его увидела и, легко выпорхнув из-за стола, направилась к нему навстречу.

Пожилой человек был в парусиновом костюме не первой свежести, несколько мешковатом для его прямой худощавой фигуры. Я подумал, что это управляющий ЖКО. Возможно, перед грозой надо гасить электрический свет, а мы зажгли. Он вошёл, и я крепко пожал ему руку. (С управляющими ЖКО лучше не портить отношений, тем более когда нет уверенности, что правила пожарной безопасности полностью соблюдены.)

– Пётр Леонидович, это Виктор из Барнаула, – представила Евгения Александровна.

– Откуда, из Барнаула? – переспросил Пётр Леонидович.

– Да, папа, я тебе о нём рассказывал, – сказал Андрей Петрович, садясь за стол.

Пётр Леонидович сел с ним рядом, напротив меня. Евгения Александровна подала шоколадные конфеты и чай. Съев несколько конфет, он поинтересовался, что за конфеты.

Евгения Александровна сказала, что инструкцию приготовления этих конфет, посвящённых космосу, она положила под коробку. Пётр Леонидович тут же вытащил её и погрузился в чтение. По интересу, с каким он взялся за инструкцию, было понятно, что для него это в какой-то степени досуг, своеобразная забава. Впрочем, ему, как физику-экспериментатору, приходится самому придумывать приборы для своих опытов и, конечно, сочинять инструкции. Так что это не такая уж и забава, а если забава, то вполне объяснимая.

Пётр Леонидович спросил о цели приезда в Москву.

– Сдавал экзамен во ВГИК, на сценарный.

– Что требовалось?

– Требовалось сочинить рассказ. Написал на полторы странички – «Падение». Об аресте и содержании «моего героя» в КПЗ. Главным было – выявить характер, а характер лучше всего проявляется в экстремальной ситуации.

Пётр Леонидович одобрительно кивнул:

– Да, это так. И как оценили?

– Профессор Фигуровский поставил отлично, он набирал в свою мастерскую, но экзаменационная комиссия встала на дыбы, мол, несущая грязь в советский кинематограф.

– Некоторые крупные деятели утверждают, что если ты не член КПСС, то не сможешь правильно оценить результаты научного эксперимента.

Он весело взглянул на меня из-под топорщащихся бровей. Мы все на какое-то время замолчали, потом Андрей Петрович попросил меня почитать стихи. Я читал с удовольствием, но хуже, чем обычно. Волновался. За окном ревела гроза, иногда раскаты грома были так сильны, что заглушали мой голос, и я вынужден был некоторые строфы кричать. Закрыли дверь.

Прочитал стихи «Сидел я на обочине дороги...» – о Кулунде, «Человека пытали в застенках советских...», «Комсомолу», «Баба-Яга», «Сказка» – в общем, те, что мы в своей среде поэтов называем честными.

После чтения «Сказки» он посоветовал отнести её режиссёру Театра на Таганке Любимову.

– Вы там бывали? Любимов с удовольствием ставит подобные вещи.

В Театре на Таганке я никогда не был, хотя трижды пытался достать билеты, но тщетно. Решили, что завтра же схожу, – Андрей Петрович пообещал помочь с билетами.

Разговор был непринуждённым, и, перестав смущаться, спросил (все свои вопросы сразу после встречи я записал, не ручаюсь лишь за их последовательность):

– Пётр Леонидович, вы встречались с Маяковским?

– Нет, – он взял отложенную инструкцию и, положив под коробку с конфетами, покачал головой.

– А с Есениным?

Он посмотрел на меня прямо и удивлённо, словно на марсианина.

– Вы никогда не увлекались поэзией?

– Не помню. Нет, не увлекался, – сказал он озабоченно и прислушался к шуму ливня.

– И сами никогда не писали?

– Не писал. Хотя – нет, одно написал.

Он оживился.

– В студенчестве, рядом с нами находилось медучилище, я помню стихотворение, потому что жена запомнила. «Люблю медичек, / Весёлых птичек! / Умная птица – / Пётр Капица!»

Стало весело, от его озабоченности не осталось и следа.

– В тридцатые годы вы много говорили о поэзии?

– Не знаю. Я тогда жил в Англии, а английской поэзией интересовался от случая к случаю. Вот Бориса Пастернака знал хорошо, он у меня часто бывал. Остроумный! С ним всегда было весело. Маршака знал. Дружил с ним. Он научил меня писать пьесы.

Предчувствуя необычную историю о «физиках и лириках», я спросил:

– И вы могли бы прямо сейчас написать хотя бы одно короткое действие?

– Почему одно – всю пьесу!

– И сдали бы экзамен по творчеству на сценариста?! – поддержал я игру.

– Да! И все бы остались довольны. Для ученика главное – это учитель, а Маршак в детстве ходил в вундеркиндах, это исторический факт.

Из-под топорщащихся бровей глаза Петра Леонидовича лучились неиссякаемым задором. Пожилого человека не было, был молодой экспериментатор, решивший поделиться своим гениальным открытием.

– Дайте газету «Правда».

Андрей Петрович быстро встал из-за стола и, как водится и ныне в русских добропорядочных семьях, не задумываясь, пошёл исполнять родительское поручение. В проёме в зал остановился.

– Папа, «Правду» за какое число?

– А это всё равно!

Пётр Леонидович, не торопясь, словно объёмную инструкцию по производству литературных сценариев, взял газету и установил указательный палец на первом абзаце передовицы.

– Иван Иванович! «В целях совершенствования системы оплаты труда работников сельского хозяйства и повышения заинтересованности рабочих и специалистов в росте общественного производства в действующую систему оплаты труда в совхозах и других государственных предприятиях сельского хозяйства внесены изменения и дополнения».

– И как же теперь, Иван Спиридонович?

– Как?! «Установлено, что оплата труда рабочих бригад (звеньев) в растениеводстве может производиться по сдельно-премиальной системе за выполненный объём работ и полученную продукцию».

Он засмеялся:

– И так далее и так далее – конец. Занавес!

Стоит ли говорить, что сатира на нас, пишущую братию, попала в яблочко, в самую мякоть. Невольно почувствовал, что этот гениальный учёный, углублённый в науку, внимательно следит за всем происходящим вокруг и, как все большие люди, в общении прост и умеет ценить юмор.

Гроза ещё бушевала. Иногда молнии пролетали вблизи, и тогда их бледно-голубой свет, упав на окна, наполнял комнату причудливым вибрирующим сиянием. В такие мгновения комната казалась кают-компанией корабля, идущего сквозь шторм.

Пётр Леонидович засобирался.

– Вы не боитесь грозы? – Мне хотелось, чтобы он ещё посидел с нами.

Пётр Леонидович посмотрел на меня и ничего не ответил. Это были глаза человека, озабоченного неотложными делами. Андрей Петрович достал свой плащ, Евгения Александровна помогла Петру Леонидовичу надеть его. Пётр Леонидович достал из кармана берет, надвинул на лоб и за руку попрощался со всеми. Уходя, оглянулся. За окном, словно хищная птица, упала молния.

– Может, надо было проводить – гроза? – сказал я, ни к кому не обращаясь.

– Он этого не любит, и здесь рядом, – ответил Андрей Петрович.

Евгения Александровна улыбнулась:

– Виктор, не беспокойтесь – молнии он сам создаёт в своей лаборатории.

Предназначенное расставанье...

Утром следующего дня, позавтракав, мы поехали в Москву. Наступил обычный рабочий день – мы торопились. «Волгу» вёл Андрей Петрович,

чувствовалась грамотная рука водителя. Евгения Александровна сидела рядом, наглядно сверяла свои навыки вождения. Готовый беседовать на любые темы, я высказал мысль, что наша планета Земля – живая. И как бы в подтверждение прочитал строфу из стихотворения Николая Рубцова: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». Я был уверен, что Андрей Петрович не согласится со мною, скажет, что наука не располагает фактами для столь смелой гипотезы, но он среагировал мгновенно и, как показалось, чересчур жёстко:

– Если Земля живая – пусть сама себя и воспроизводит!

Его суждение поразило логичностью. Очень остро ощутил, что мы с ним люди абсолютно разные. Невольно явилась мысль, что лирики, возможно, поторопились, безоговорочно отдав пальму первенства физикам? Беседовать расхотелось. Всю дорогу молчал. И только на свёртке в сторону Сталинской дачи, когда Евгения Александровна попросила Андрея Петровича рассказать о ней, подал голос – спросил:

– Сейчас кто-нибудь там живёт?

Оказывается, никто не живёт. Иногда временно в ней располагаются государственные комиссии из различных министерств, но постоянно никто не прописан. Со слов очевидца, работавшего там в одной из комиссий, Евгения Александровна рассказала, что подступы к даче бетонированные. Окна ограждены массивными козырьками – даже веранда обнесена железобетоном.

– Уму непостижимо, человек сам себя запер в каменный мешок! Впрочем, находились люди из его окружения, которые искусно разжигали в нём манию подозрительности, развивали шизофрению.

После этих слов на душе стало и вовсе нехорошо, и до самой Москвы не проронил ни слова.

Из записей от 17 июля 1970 года.

Квартира Андрея Петровича Капицы находится в левой профессорской

башне МГУ, на десятом этаже. Мы вошли в неё вдвоём, Евгения Александровна попрощалась со мной возле машины. Спешила на работу в Архитектурный институт.

Андрей Петрович сразу же взялся за чтение свежих газет. Их было много – несколько больших кип, занимавших весь журнальный столик. Со стороны казалось, что он их просматривает. Нет – он владел беглым чтением. Откладывая очередную газету в сторону и разворачивая другую, сказал, чтобы я прогулялся по квартире – осмотрелся. Я насчитал не менее семи комнат. По моим сегодняшним понятиям, это была квартира олигарха науки.

В просторной прихожей и кабинете – стеллажи книг в основном по географии. Труды английских и американских авторов на языке оригинала – изданные в Англии. В переводе на русский – монографии французских, польских, чешских учёных. На стеллажах открытых, как бы парящих вдоль стен, стояли статуэтки всевозможных божков из Африки. Очевидно, из мест, где побывал Андрей Петрович. В других комнатах непосредственно на стенах висели: лук и колчан, наполненный стрелами; острые сверкающие наконечники для копий; шкура зебры и неведомые мне музыкальные инструменты.

Изобилием и яркостью красок привлекали маски и картины африканских художников. Особенно картины, в которых нарушение перспективы казалось просто ужасным. Волны вблизи маленькие, а вдали, у берега, огромные – больше хаотично разбросанных хижин.

Позже, находясь на ремонте судна в Сингапуре, понял, что виной всему не художники, а экваториальное солнце. В полдень, когда оно стоит прямо над головой, тень, словно изнывая от жары, прячется под подошвами и предметы вокруг кажутся маленькими. А на расстоянии угол зрения меняется, тени словно выползают наружу и предметы как бы увеличиваются в объёме.

Никакой лишней мебели не заметил. И в то же время ничего

музейного – жилая квартира. Думаю, в обустройстве интерьера, размещении чёрных одноруких божков, кричащих африканских масок, то есть трофеев путешественника, роль Евгении Александровны, как специалиста по дизайну, была главной. Во всяком случае, мысленно я с удовольствием отдал пальму первенства ей. Что из того, что мозг Андрея Петровича всё схватывает на лету и, буквально как фантастическая машина, перерабатывает информацию?! Что из того, что его ответы всегда правильны, безошибочны и неоспоримы?! Мне почему-то ближе люди ошибающиеся, делающие неверные шаги и набивающие на лбу шишки и всё же, конечно, несмотря ни на что не сдающиеся. Вдруг почувствовал, что я в какой-то необъяснимой претензии к Андрею Петровичу. За что?!

Спустя час мы уже были на восемнадцатом этаже МГУ, в его рабочем кабинете. Массивные кресла, обтянутые кожей и зачехлённые белой парусиной, стол, сейф, шкаф – всё из той, сталинской, эпохи. Мы сели в кресла, я закурил сигареты «Новость». Кстати, когда Андрей Петрович был в Барнауле, он курил их, и я с папирос «Беломорканал» тоже перешёл на «Новость». Теперь решил, что снова перейду на свой «Беломорканал».

Андрей Петрович спросил о планах на будущее. Я сказал, что поступать во ВГИК, во всяком случае на сценариста, не буду. Профессор Фигуровский подарил мне сброшюрованный журнал своих лекций и сказал, что учить меня нечему.

– Перестраховывается, – уверенно заключил Андрей Петрович.

– Не знаю, – сказал я. – В любом случае буду писать стихи, рассказы. Хочу поехать в родные края, в Приморье. Может, устроюсь на какое-нибудь рыболовное судно матросом. Моя Гала отпускает меня на полгода, на один рейс.

Андрей Петрович оживился:

– А я тоже в октябре буду на Дальнем Востоке.

Он достал проект приказа Президиума Верховного Совета, и я прочёл, что с первого октября 1970 года Андрей Петрович Капица назначается

руководителем строительства академического городка.

Дальневосточная академия будет объединять все биологические институты Владивостока, Хабаровска, Магадана – в общем, все институты Дальнего Востока СССР.

И я опять подумал о его завистниках и недоброжелателях. О его необычайной проницательности и таланте всё схватывать быстро и реалистично. О его умении предъявлять аргументы простые и в то же время неопровержимые по своей логике.

Я встал и, твёрдо перейдя на «ты», сказал:

– Андрей Петрович, ты справишься! Но знай – люди у нас пришлые, ищущие счастья и чужому счастью завидующие. Но есть и настоящие первопроходцы – коммунисты.

Я понимал, что говорю приподнято и, может быть, некстати и не о том, но решил высказаться по сердцу и до конца. Меня не волновало, что он подумает, я весь был в Слове.

– Мы разные и по возрасту, и по жизни, но, если я буду там и понадобится, можешь положиться на меня – не подведу. А пока запиши адрес родителей, они в Приморье, в Черниговке.

– Конечно, Виктор!

Андрей Петрович одобрительно взглянул на меня, быстро встал и, подойдя к столу, записал адрес.

– Мои родители с 1906 года, переселенцы из Киевской области, колхозники. В 1931 году отец вступил в кандидаты, а в партию его приняли только в 1937 году – семь лет проходил в кандидатах. Как члена партии, направили на курсы трактористов. С рассвета и до поздней ночи пахал в прямом и переносном смысле. Меня ещё не было, а сёстры и братья уже были – пятеро. Из трактористов отец стал председателем колхоза.

Андрей Петрович переспросил:

– В каком году приняли в партию, в тридцать седьмом?

Неожиданно остро кольнуло, что всё, что говорю, ему не нужно. У

него другие ассоциации. Хотя интеллигенция и народ у нас едины, но их жизни-то практически несовместимые.

Вошла секретарша.

– Андрей Петрович, вас соединять со всеми звонками? Что у вас сегодня?

– Сегодня разговор с Алексеем Николаевичем Косыгиным и Келдышем. И ещё, будьте добры, позвоните в Театр на Таганке Любимову.

Секретарша ушла, и он спросил:

– Виктор, ты что-то хотел сказать?

– Вообще, одно – отец мой настоящий коммунист, искренне верит в светлое будущее и в критической ситуации не побоится взять ответственность на себя. А за своих колхозников так и смертью ляжет.

Без десяти одиннадцать (в МГУ всюду часы) вышел из кабинета. Мы условились, что в 16:00 я позвоню ему и с целью ознакомления с Москвой мы выработаем маршруты, наиболее приемлемые для меня. Театр на Таганке отсутствовал, уехал на гастроли. И Андрей Петрович сказал, что на эту тему мы поговорим вечером.

В 16:00 я звонить не стал. Гала настоятельно звала домой, да и гостеприимством в нашей семье учили дорожить. Помню, что, расставаясь, мы взаимно крепко пожали руки. О чём он думал, не знаю, но глаза его были весёлыми и добрыми, такими же как в Барнауле, когда, прощаясь, мы обнялись.

Вместо эпилога

В мае 1971 года я отвёз Галу и шестилетнего сына Мишу в город Тару Омской области. В небольшой избёнке, завалюхе, по окна вросшей в землю, нас ждала её мама, Маримьяна Павловна. Отца Гали, Михаила Алексеевича Южанина, репрессированного кулака из соседнего района Большие Уки, впоследствии реабилитированного, в живых уже не было. Уйдя в декретный отпуск, Гала отпустила меня в моря.

Из местных газет узнал, что какое-то судно, кажется «Витязь», передаётся Дальневосточной академии, которую возглавляет член-корреспондент АН СССР Андрей Петрович Капица, но даже и беглой мысли не возникло обратиться к нему.

Прежде чем устроился матросом, целый месяц разгружал и грузил «гофтару» для упаковки свежемороженой рыбы. Спал где придётся, денег не было. Из тех дней запомнилась строфа, залетевшая в голову откуда-то извне: «Я по перрону брёл устало, / Напарник бич ушёл в загул. / Владивостокского вокзала / Босяк какой-то подмигнул». Вот это вот «босяк» меня успокаивало – чтобы стать писателем, Максим Горький тоже в своё время босячил.

Первый мой рейс длился почти восемь месяцев. Прошёл всё, что можно было пройти на БМРТ «50 лет ВЛКСМ», – от матроса фабрики и палубы до матроса руля. Когда первый помощник капитана ушёл в отпуск, был избран секретарём парторганизации судна и в следующий рейс, после двух месяцев стоянки в порту, ушёл первым помощником капитана.

Второй рейс на БМРТ «Надеждинск» был особенно удачным. Перевыполнили все планы по добыче рыбы, и нас, как победителей социалистического соревнования, встречали у пирса с духовым оркестром. Меня направили на курсы повышения квалификации в совпартшколу при крайкоме КПСС, чтобы я занимал должность первого помощника капитана не только как политически необразованный выдвиженец из матросских низов, а как полноценный, рекомендованный партией помполит.

Теперь в рейс меня обязательно провожали Гала и двухлетняя Наташенька, родившаяся, когда я уже был в морях. Впрочем, на стоянке в порту я и сам частенько мотался в Барнаул на самолётах «Аэрофлота». В одну из таких поездок по просьбе Александра Сергеевича Трескова, взявшегося редактировать мою рукопись, привёз ему акульки зубы. Он обрадовался, сказал, что они определённо понадобятся.

В марте 1973 года он вызвал меня. Я побаивался – опять какие-нибудь требования «сверху». Но – нет, Александр Сергеевич был приветлив и

радостен. Вручая авторские экземпляры книжки «Освещённый минутой», самодовольно сказал:

– Акульки зубы очень дажегодились. Всё, что ты хотел, включая «Сладкое шампанское», удалось отстоять.

Я раскрыл книжку. Раздел «Рассказы» предваряла надпись: «Моим друзьям Е.А. и А.П. посвящаю». Что значило – Евгении Александровне и Андрею Петровичу.

– Будешь дарить книжку Капицам, обязательно скажи: Александр Сергеевич Тресков своих слов на ветер не бросает. – Помолчал, отделяя паузой вышесказанное. – Ты пишешь по-своему – чересчур кратко. Кратко – до корявости. Так, что и поправить толком невозможно. Но у тебя всюду есть крупные золотые зёрна.

– Это тоже сказать?

Александр Сергеевич усмехнулся:

– Скажи!.. Только – это тебе говорю, а он может и не понять. У него мозги учёного, а у тебя – другие. Ты полностью наш, советский, а он родился в Англии.

Вспомнился краевой семинар 1972 года молодых писателей во Владивостоке, на котором мою прозу рекомендовали местному издательству. Руководителями на семинаре были ленинградский писатель А.С. Шевцов и приморский писатель Г.Г. Халилецкий. В оценке рассказа «Сладкое шампанское» мнения разошлись, между руководителями даже возник короткий спор. Халилецкому рассказ понравился, а Шевцов назвал его жестоким, бесчеловечным – не в рамках социалистического реализма.

Тогда я часто бывал у Капиц, познакомился с его детьми Аней и Надей, учившимися в школе. Их Владивостокская квартира, на Колхозной, 34, во многом была похожа на московскую: и количеством комнат, и расположением – так что мне иногда казалось, что я нахожусь у них в Москве. После семинара молодых писателей поделился впечатлениями. Сказал, что Шевцов подарил мне свою книгу «Трудные шаги на рассвете» с

надписью: «Виктору Слипенчуку, в память о встречах во Владивостоке, с самыми наилучшими пожеланиями». Андрей Петрович и Евгения Александровна переглянулись, и Евгения Александровна спросила, читал ли я так называемый роман «Тля» Шевцова – абсолютно антисемитский и абсолютно антихудожественный «шедевр».

– Нет, Женя, это не тот Шевцов.

Евгения Александровна и Андрей Петрович Капицы

– В любом случае пусть Виктор помнит: настоящий писатель-художник призван искать общечеловеческие, связующие нити между людьми, а не разобщать их. Здоровое общество строится на доверии, на взаимности.

– Меня интересует Человек в человеке, – сказал я. – Мой рассказ «Сладкое шампанское» именно об этом и, конечно, о доверии и любви.

Как бы там ни было, но, вернувшись со второй своей путины, не без горечи узнал, что директор Приморского издательства повторяет

чуть ли не слово в слово суждение А.С. Шевцова о жестокости и бесчеловечности рассказа. О необходимости изъять его из рукописи как несоответствующий социалистическому реализму. В качестве неоспоримого доказательства моей вины приводил в пример себя: прочитав рассказ, он целую неделю не мог ни о чём думать – рассказ не выходил из головы.

Словом, получив книжку «Освещённый минутой» из рук Александра Сергеевича Трескова, был несказанно рад её изданию. И на встрече с Капицами сказал всё, как просил он, редактор моей первой книжки. О

краткости, граничащей с корявостью, и золотых зёрнах в своей ранней прозе ничего не говорил. И, как оказалось, кстати.

Мне очень хорошо запомнилась эта встреча. Я к тому времени справил морскую форму первого помощника капитана – тёмно-синий китель с галунами и сверкающими металлическими пуговицами с якорями. Моя фуражка с накладной кокардой и тиснённым на ней золочёным якорем очень шла мне. В общем, белая сорочка, чёрный галстук и под цвет ему брюки и туфли настолько были гармоничны, что на меня завистливо оглядывались на «Владивостокском Бродвее». Тогда я готовился принять СБМРТ «Давыдов» и идти на ремонт в Сингапур. А после – промыслять рыбу нототению в Южном полушарии, у островов Кергелен. Такое счастье не каждому рыбаку выпадает, а мне выпало – первая книжка и первый заграничный рейс на визированном судне.

Дверь открыли дети Андрея Петровича Аня и Надя. Увидели меня и обомлели, потеряв дар речи. Наконец пришли в себя: «Мама, папа! Виктор Трифионович пришёл!» Глаза восторженно светятся, они таким красивым меня не видели. Да я и сам себя здесь таким не видел – новенький чемоданчик с золочёными уголками и гвоздиками. К моему несчастью, мама и папа их не слышали. Я приказал никого не звать, сейчас вместе войдём. Благо у Капиц было правилом, что в Москве, что во Владивостоке, не снимать обуви.

Вошли. Прямо-таки явление Христа народу, в гостиной было человек десять. Приехали гости из Москвы: будущий учёный секретарь и с ним ещё несколько человек, вызванные на работу в Дальневосточную академию. В большинстве, конечно, были местные, я попал, как говорится, на смычку учёных столицы и учёных Дальнего Востока. Понимая, что в этой профессиональной среде скоро уйду на задний план, решил воспользоваться своим внезапным появлением. Сделал вид, что я всегда такой. Дети помогли, стояли рядом, невольно взяв на себя часть общего удивления. Получилось, будто я с ними осуществляю какой-то грандиозный план.

Не торопясь достал книжку, Надя нетерпеливо дёргала меня за китель. Андрей Петрович воспользовался моей медлительностью, объявил:

– Это мой друг – Виктор Слипенчук, состоявшийся поэт! – Пояснил: – Мы познакомились в Барнауле, сошлись в оценке гениальной повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». А в позапрошлом году мы с Женей представили его моему отцу. Он читал нам свои прекрасные стихи.

И с некоторой нарочитой гордостью, соответствующей моменту, как бы спросил:

– А теперь видите, какой он?!

Я и раньше замечал за Андреем Петровичем очень редкое в наше время качество – умение пусть шутливо, но весьма к месту гордиться своими знакомыми.

Дети засмеялись, все весело оживились. Евгения Александровна призвала детей идти к себе. Обстановка разрядилась.

Книжку я раскрыл на разделе «Рассказы». И точно по тексту с выражением прочитал посвящение. А потом сказал всё, что должен был сказать от имени Александра Сергеевича Трескова. О том, что пишу кратко до корявости, и о золотых зёрнах ничего не говорил.

Книжку вручил Евгении Александровне, и она, делясь моей радостью, полистав, передала Андрею Петровичу, который, увидев, что я оглянулся на зеркало, шутливо заметил:

– Женя, по-моему, он рад не столько своей первой книге, сколько своему морскому кителю.

В ответ все опять заулыбались, а молодой человек с бородкой, маленький и шустрый, вдруг откуда-то выскочил, действительно словно чёртик из табакерки, спросил, читал ли я роман Артура Хейли «Аэропорт». Я сказал, что, летая в Барнаул и обратно, как раз только что прочёл. Молодой человек обрадовался, мне показалось, несколько преувеличенно:

– Любопытно узнать ваше мнение, мнение профессионала. Мы, дилетанты, тоже как раз перед вашим приходом высказывали свои суждения.

– А что тут говорить – массовая литература. Как сказали бы в армии, автор хорошо усвоил матчасть и в увлекательной форме вложил нам в голову – молодец!

Мои слова «армия», «матчасть», очевидно, покорили молодого человека. Он схватился за бородку:

– А что, массовая литература – это плохо?

– Да не плохо!..

Мелькнула мысль – хорошо, что ничего не сказал про свою корявость и золотые зёрна... Александр Сергеевич был прав – меня здесь могут и не понять. Во всяком случае, этот с бородкой даже не захочет понимать. Повторил:

– Не плохо, но к литературе роман имеет косвенное отношение. Это новое превосходное чтиво.

– Чтиво?! – взвился человек с бородкой.

В разговор вмешалась Евгения Александровна, сказала, что я неправ. «Аэропорт» – отличный роман!

– Если, Виктор, ты напишешь подобный роман, сразу станешь знаменитым на весь читающий мир.

– Да ладно вам! – сказал я и почему-то оглянулся на зеркало. – Уж лучше буду писать марши.

Андрей Петрович улыбнулся, а Евгения Александровна пригласила присоединиться к шведскому столу, сообщая отметить праздник «первой книжки».

Молодой человек с бородкой оказался на редкость прекрасным и эрудированным собеседником, именно его Андрей Петрович брал в свои учёные секретари. Поклонник городской прозы, он отрицал писателей-«деревенщиков» как реакционеров. Здесь мы с ним категорически разошлись. По его представлениям выходило, что писатель-реакционер не может быть великим художником. Я был не согласен с ним. И сейчас не согласен. Мне более всего близка и дорога мысль Достоевского, высказанная

в «Пушкинской речи»: всё наше западничество и славянофильство есть одно сплошное недоразумение.

В тот вечер заночевал у Капиц, а ночью меня просто разбил приступ почечных колик. Пришлось вызывать скорую помощь. Уж не знаю, какую дозу морфина ввели, но утром проснулся как огурчик. Хотел выписаться, но лечащий врач ни в какую: «Вы у меня самый тяжёлый больной, вас в третьем часу ночи принесли на носилках! Пока не пройдёте анализы, о выписке не может быть и речи». Выяснилось, что на анализы потребуется в лучшем случае недельки две. А у меня стоянка судна на исходе, отчаливаем в Сингапур.

Лежу на больничной кровати, всё смешалось: только-только жизнь рыбака повернулась ко мне своей сладостной стороной – и на тебе?! Конечно, Гала и дети будут рады возвращению, писательство – это главное, но и здесь впереди туман. Стихи не печатают, прозу – со скрипом... Очень правильна и необидна для таких, как я, присказка Васи Нечунаева: вышли мы из народа – и снова уйдём в народ. А куда же ещё идти, если по всей своей жизни я – деревенщик. И всё же?!

Забегала медсестра, потребовала, чтобы все легли на свои кровати. Нас в палате было двенадцать человек (по шесть коек – в два ряда).

– Главный врач с обходом – лежите тихо!

Кто-то спросил:

– А шевелиться-то хоть можно?

– И шевелиться нельзя, с главным идёт депутат Верховного Совета.

– Опаньки! Так мы же ещё не умерли?!

На невольный возглас сразу отозвались остряки:

– Смотрите, наш коммунист запереживал?! Если понадобится партии, тебя без очереди командируют!.. И спасибо сказать не успеешь!

В палате дружно засмеялись.

В белом халате, едва-едва закрывающем плечи, в сопровождении медперсонала Андрей Петрович выглядел начальником Генерального штаба.

Главный врач при нём – не более чем уважаемый консультант. А мой лечащий... угрожавший буквой закона, тянул лишь на ординарца из низших чинов.

Было решено, что в течение дня сдать необходимые анализы, а вечером консилиум обсудит, что дальше. По всей вероятности, боли вызваны прохождением солей через мочеточник. Как заметил главврач – очень часто встречающаяся болезнь среди моряков-рыбаков, пьющих опреснённую воду. Если всё в порядке, они держать не будут, выпишут из больницы. Андрей Петрович сказал, чтобы я не падал духом, в ближайшее время академия получает несколько судов БМРТ, и на одном из них мне представится возможность пойти в кругосветное плавание.

– Ну, что ж, – отвечивал я. – Готов, как Чапаев, поступать в академию и прямо сейчас сдавать экзамены.

Главврач и его окружение засмеялись. Тогда был в ходу анекдот про Василия Ивановича: «Эх, Петька, все анализы сдал, а вот высшую арифметику завалил – не сдал».

Андрей Петрович был строг и задумчив. Ликбезный юмор ему был чужд. Эта наша встреча во Владивостоке была последней. У меня тогда всё сложилось благополучно, ушёл в рейс, а после – уволился. Моё понимание жизни писателя требовало новой смены профессии.

Позвонил Андрею Петровичу Капице спустя семь лет. Мой сын оканчивал барнаульскую среднюю школу и мечтал стать учёным-путешественником.

Сегодня мой сын депутат ГД РФ, профессор МГУ, возглавляет кафедру рационального природопользования, основанную Андреем Петровичем. Жизнь великой династии русских учёных Капиц продолжается теперь в учениках. И это справедливо, несмотря на все несправедливости нашей быстротекущей жизни.

Крым, пгт Черноморское, 19.06.2016